

0- 794146

На правах рукописи

Степина Алена Николаевна

**ФОРМАЛЬНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ИСПОВЕДИ
В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва, 2012

Работа выполнена на кафедре русской и зарубежной литературы
филологического факультета Российского университета дружбы народов.

Научный руководитель:

доктор филологических наук, доцент **Шелемова Антонина Олеговна**

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор **Страшкова Ольга Константиновна**
Ставропольский государственный университет

кандидат филологических наук, доцент **Давыдов Данила Михайлович**
Государственный академический университет гуманитарных наук

Ведущая организация: **Орловский государственный университет**

Защита диссертации состоится 17 февраля 2012 г. в 15-00
на заседании диссертационного совета Д 212.203.23
при Российском университете дружбы народов
по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, ауд. 436.

С диссертацией можно ознакомиться в Учебно-научном информационном центре
(Научной библиотеке) Российского университета дружбы народов по адресу:
117198, Москва, ГСП, ул. Миклухо-Маклая, 6.

Автореферат диссертации размещен на сайте РУДН [www](http://www.rudn.ru)

Автореферат диссертации разослан 16 января 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

А.Е. Базанова

Общая характеристика работы

Жанр литературной исповеди обобщает уникальный культурный опыт, накопленный за двухтысячелетнюю историю существования христианства. Оставаясь частью сакральной, религиозной стороны жизни, исповедь благодаря выдающимся представителям Средневековья стала полноценным жанром западноевропейской литературы. Традиция, во многом подготовленная Августинем Блаженным в конце IV века, крепла и развивалась. Литературная исповедь постепенно отмежевывалась от религии, превращаясь в эстетически самоценный художественный феномен.

В древнерусской книжности путь формирования жанра исповеди был несколько иным. Принятие христианства предопределило теснейшую связь литературы с православной традицией. Христианское мировоззрение оказывало прямое влияние на формы эстетического освоения мира. Строгий отбор литературного материала сковывал индивидуальную инициативу, ограничивал авторскую свободу. Средневековая русская литература была традиционалистской, или нормативной: устойчивые этикетные формулы не давали широкой возможности для саморефлексии личности, без которой немыслима литературная исповедь. В таких условиях о полноценном функционировании жанра говорить сложно. Становление литературной исповеди на Руси связано с постепенным усилением авторской доминанты, расширением автобиографической составляющей и пространства для саморефлексии, усложнением индивидуально-авторского стиля. Для характеристики подобных исторически и художественно обусловленных трансформаций в диссертации вводится понятие формально-содержательных моделей литературной исповеди и разрабатывается их подробная классификация. Из богатого древнерусского наследия выделяются произведения, которые содержат исповедальные монологи неординарных личностей, имевшие совершенно разные целевые установки: от покаяния перед Богом до назидания.

Многогранность исповеди обуславливает наличие разных подходов к ее исследованию. Исповедь как феномен религиозного культа эпизодически изучалась историками, богословами, культурологами, философами и, в меньшей степени, литературоведами. Однако реализованные в памятниках древнерусской литературы формально-содержательные модели ее литературной ипостаси, рассматриваемые как один из значимых этапов формирования полноценного жанра, до сих пор остаются фактически неизученными.

Актуальность диссертационной работы обусловлена отсутствием в современной медиэвистике специального научного исследования о функционировании литературной исповеди как модели авторского самовыявления в древнерусских книжных текстах, а также недостаточной изученностью жанра литературной исповеди в обозначенном темой научном аспекте.

Цель диссертационной работы заключается в исследовании формально-содержательных моделей литературной исповеди, функционирующих в древнерусских текстах XII-XVII веков.

В соответствии с данной целью в диссертации ставятся следующие задачи:

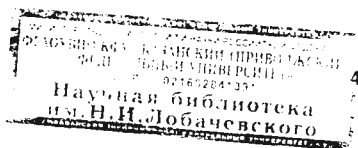
- разработать классификацию основных формально-содержательных моделей литературной исповеди;
- выявить структурно-содержательные особенности исповеди на основе классического текста Августина Блаженного;
- исследовать поэтику литературной исповеди с точки зрения структуры, адресности, целей;
- рассмотреть принципы организации литературной исповеди как особого монолога, обладающего внутренней диалогизацией;
- исследовать специфические особенности формально-содержательных моделей литературной исповеди в древнерусских текстах.

Предметом исследования являются основные формально-содержательные модели литературной исповеди, функционирующие в памятниках Древней Руси.

Объект изучения – древнерусские памятники, в которых наиболее ярко проявилось личностное начало: сочинения Владимира Мономаха, «Слово о полку Игореве», Летописные повести о походе князя Игоря, «Послание» Климента Смолятича, «Притча о человеческой душе...» Кирилла Туровского, «Поучение Моисея к простой чади», «Послание» Якова-черноридца к князю Дмитрию Борисовичу, «Моление» («Слово» - в другой редакции) Даниила Заточника, «Житие» протопопа Аввакума, а также текст «Исповеди» Августина Блаженного.

Методология данного исследования представляет собой системное единство историко-генетического, историко-функционального, сравнительно-типологического и культурологического методов. Теоретико-методологическую основу исследования составляют труды ученых – представителей разных научных школ. Фундаментальные исследования жанра исповеди в литературе принадлежат М.М.Бахтину, М.С.Уварову, Л.М.Баткину, В.Л.Рабиновичу, западным исследователям: Дж.Куддону, В.Бенету, Дж.Шипли. Как литературный факт исповедь получила серьезное обоснование в работах И.А.Агаповой, П.Ю.Нешитова, В.А.Карпунина, П.Г.Тарасова. В отдельных статьях рассматривают исповедь в литературе и культуре М.В.Михайлова, Н.А.Богун, К.Г.Исупов, А.В.Суховский, Т.В.Садовникова. В теоретической части исследования уделено внимание трудам по исторической поэтике: Д.С.Лихачева, С.С.Аверинцева, А.Н.Веселовского, М.Б.Храпченко, М.Л.Андреева, М.Л.Гаспарова, П.А.Гринцера, А.В.Михайлова. В диссертации также были использованы работы публикаторов текстов русских исповедей и историографов: А.И.Алмазова («Тайная исповедь в православной восточной церкви. Опыт внешней истории»), М.В.Корогодиной («Исповедь в России в XIV-XIX веков»).

Научная новизна. В диссертации разрабатывается классификация основных формально-содержательных исповедальных моделей на основе исследования генезиса литературной исповеди и особенностей её поэтики. Впервые объектом изучения литературной исповеди становятся памятники древнерусского периода.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Литературная исповедь – лиро-эпическая модель повествования, организующим центром которой становится сам автор (логика рассказа подчинена саморефлексии). В повествовании, ведущемся от первого лица, сообщается о реальных событиях в жизни человека, передаются внутренние переживания, связанные с совершением греха и стремлением его искупить. Факультативными в подобном тексте являются элементы проповеди, автобиографии, а также покаяния – как возможного завершения исповеди. Одной из главных целей литературной исповеди является стремление автора к самовыражению.

2. «Исповедь» Августина Блаженного определила основные особенности поэтики литературного жанра. Структура текста средневекового богослова дала начало различным формально-содержательным моделям исповеди, активно функционирующим в мировой литературе.

3. Основными формально-содержательными моделями литературной исповеди являются: исповедь-проповедь, исповедь-самовыражение, исповедь-автобиография, исповедь-эстетическая игра.

4. В древнерусской литературе жанр исповеди находится в процессе формирования. Эволюция формально-содержательных моделей исповеди происходит вследствие усиления авторской доминанты, усложнения стиля произведений, постепенного перехода к индивидуально-авторскому повествованию.

Научно-практическая значимость. Содержание и выводы работы могут оказаться плодотворными для дальнейшего исследования исповеди в древнерусской литературе, а развернутая классификация исповедальных моделей стать основой для анализа текстов подобной направленности. Результаты исследования могут быть использованы в практике вузовского образования для составления учебных программ, пособий, лекционных курсов и спецкурсов по истории древнерусской литературы и теории литературы.

Структура и объем исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы. Каждая глава членится на отдельные параграфы.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность и новизна выбранной темы, оговаривается степень разработанности проблемы, формулируются цель и задачи, определяются объект и предмет исследования, описывается теоретико-методологическая база и прикладная значимость работы.

Первую главу **Генезис жанра литературной исповеди** открывает параграф **Интенции религиозного покаяния как основного источника исповеди в литературе**, в котором доказывается, что подобное исследование невозможно без обращения к главному источнику покаянного жанра – религиозной исповеди как образу, таинству, духовной потребности человека.

Слово покаяния, признания в совершенных грехах, преступлении заповедей, законов, непреложных для верующего, предопределенно существованием монотеистических религий: иудаизма, буддизма, ислама. В христианстве покаянное обращение к Богу с течением времени канонизировалось и укоренилось в форме исповеди. В христианской культуре исповедь, особенно предсмертная, занимает одно из ключевых мест: только исповедавшись, можно получить прощение и надеяться на духовное спасение.

Сакральная природа богочеловеческого диалога – исповеди адресованной Творцу, не исключает участия в обряде священника. Однако он остается лишь свидетелем соединения верующего с Богом, проводником, помогающим соблюсти обряд. Во многом благодаря участию духовного лица появилась проповедь. Она была необходимой по той причине, что еще в Средневековье духовник нес ответственность за утасанные грехи его чада. Очень важно в этой связи заметить, что и само слово «исповедать» исконно также имеет два смежных смысла. Исповедание веры как прославление Христа перед людьми (проповедь) и исповедание как прославление Христа в себе (покаяние, обещание жить в соответствии с заповедями, измениться).

Слово покаяния не сразу становится тайным, адресованным лишь Богу, оно проходит длинный путь через публичное исповедание перед всем церковным обществом. И хотя религиозная практика публичного покаяния осталась в истории, вполне возможно рассматривать её как со временем укоренившуюся в литературе форму раскрытия души.

Из собственно религиозного текста исповедальный монолог с элементами автобиографии, воссоздающий психологический портрет героя, наследуется художественной литературой.

Однако особенностью такого монолога зачастую является полное или частичное отсутствие духовного покаяния в христианском понимании. Лишенная главного стержня исповедь теряет свой первоначальный религиозный смысл и становится предельно откровенным, зачастую обращенным к Богу посланием, рассказом о прегрешениях.

Факт записи, словесного оформления слова покаяния за исключением первого и единственного адресата – Бога, предполагает еще и читателя. Безусловно, литературная исповедь – это не сокровенный уединенный диалог с Господом, а скорее монолог автора-героя, обращенный *urbì et orbi*.

Таким образом, жанр исповеди представляет собой многогранное явление, имеющее истоки в христианском таинстве, прошедшем и оформившемся через древнюю традицию публичного покаяния. Вышедшая за рамки первоначального религиозного ритуала, исповедь функционирует в литературе, сохраняя некоторые исторически обусловленные элементы.

Второй параграф посвящен рассмотрению **«Исповеди» Августина Блаженного, определившей поэтику жанра литературной исповеди.**

Несомненно, исповедь в литературе не могла возникнуть сразу, минуя долгие века развития творческой мысли. К протоформам рефлексивно-биографического повествования можно отнести произведение литературы Древнего Египта, небольшие самоописания в текстах античных мыслителей:

Сократа, Платона, Цицерона. Однако характерное уже для христианского религиозного сознания покаянное обращение к Богу, имеющее своей целью самопознание и, порой, самооправдание, реализовал в художественном тексте Августин Блаженный. Его «Исповедь» определила основные структурные особенности покаянного монолога в литературе.

Исповедь Августина Блаженного не только предвосхитила духовные искания представителей последующих поколений, но и стала основой для многочисленных текстов, нацеленных на погружение в глубины собственной души. Именно к его трудам, являющим собой «мостик» от язычества к средневековому христианству, неизменно обращаются культурологи, историки, философы, литературоведы. Интерес к этому тексту обусловлен не только затронутыми в нем нравственными проблемами, но и самой структурой исповеди, давшей начало исповедальным моделям, активно функционирующим в литературе до сих пор. Основные среди них – исповедь-автобиография, исповедь-проповедь, исповедь-самовыражение.

Сама форма была выбрана Августином не случайно. В реферируемой работе делается предположение, что в основе этого опыта литературной исповеди лежит распространенная в IV веке практика публичного покаяния перед христианской общиной. Весьма интересным представляется и факт, что публично исповедоваться полагалось в случае совершения одного из трех прегрешений – убийства, идолопоклонства или блуда. Августин на протяжении всего текста «Исповеди» вменяет себе в вину поклонение идолам, слепоту, неверие в Единого Бога. Но исповедь Августина не сводится к одному только покаянию. Его произведение – образец глубокого психологического самоанализа, подведение итога всей жизни, стремление извлечь урок из пережитого.

В своей исповеди Августин выступает не только в качестве исповедующегося, но и как проповедник христианской веры. Его монолог не лишен назидательности – того самого элемента проповеди, без которого литературная исповедь неполноценна.

Прямым адресатом исповедального монолога Августина выступает Бог, очевиден покаянный тон. Посредник-священник в данном случае не нужен. Думается, вполне возможно рассматривать Августина, имеющего церковный сан, как исповедующегося священника. Уже позднее в древнерусской литературе подобная модель исповеди обнаруживается в тексте «Жития» протопопа Аввакума.

С точки зрения структуры текст Августина определил форму и содержание основных моделей литературной исповеди:

- наличие в исповедальном монологе прямого обращения к Богу;
- элемент проповеди – адресованность текста исповеди слушателю или дистанцированному во времени читателю;
- автобиографический элемент исповедального монолога;
- покаяние – как возможное завершение литературной исповеди;
- частичное или полное совпадение автора и героя текста литературной исповеди.

Во многом благодаря Августину Блаженному исповедь, исконно существовавшая как религиозное таинство, впоследствии приобретает и светский статус. Последнему обстоятельству особенно способствовало появление религиозно-художественных произведений ближайших последователей Блаженного Августина (Севрина Бозция, Пьера Абеляра, более удаленного во времени Франческо Петрарки и других мыслителей Средневековья и раннего Возрождения), которые обзорно представлены в третьем параграфе первой главы: **Последователи традиции Августина Блаженного. Развитие и трансформация жанра исповеди в литературе.** Анализ текстов приводит к выводу, что исповедь приобретает универсальный характер для средневековой литературы и культуры, получает статус способа человеческого самосознания.

В первом параграфе второй главы **Поэтика литературной исповеди** исследуемый феномен рассматривается как **модель публичного покаяния и самовыражения.**

Литературная исповедь, в отличие от религиозного обряда, адресована не только и не столько Творцу, а также отнюдь не является тайной. Соответственно и цели этой исповеди совершенно иные – она призвана вызвать реакцию: сочувствие или осуждение, то есть, направлена вовне, ориентирована на другого человека – слушателя, читателя. Литературная исповедь зачастую отличается от религиозной прародительницы отсутствием момента покаяния. В данном случае самоописание героя художественного произведения призвано вызвать сопереживание его адресата, являясь при этом попыткой оправдать себя перед ним или познать себя, проанализировать собственные поступки.

Литературная исповедь – это лиро-эпическая модель повествования, замкнутая на авторе. Исповедальный монолог представляет собой форму самовыражения, иногда завершаемую покаянием, целью которого является обретение потерянной гармонии с миром и Богом. Составляющими литературной исповеди, как правило, являются элементы автобиографии и поучения.

В диссертации выдвигается предположение, что в Средневековье исповедь как жанр в большей степени реализовалась в западноевропейской литературе: в текстах Августина Блаженного и его последователей. Применительно же к древнерусским текстам вводится и разрабатывается понятие формально-содержательной модели, которое позволяет проследить жанр литературной исповеди в его становлении и развитии, вычленив основные интенции исповедальных монологов. Различные модели литературной исповеди присутствуют в поучениях, молитвах, канонических житиях (с ярко выраженным авторским началом), произведениях эпистолярного жанра.

Во втором параграфе главы представлена **классификация основных формально-содержательных моделей литературной исповеди** на основе предложенного определения, а также выявленных отечественными и зарубежными исследователями признаков покаянного высказывания.

Исповедь-самовыражение (самооправдание, самопознание). Искренний монолог героя может быть частично или полностью лишен элемента покаяния. Главная особенность модели – не просто рефлексивное самосознание, но и

самооценка без ожидания суда других. К «исповеди-самовыражению» вполне можно отнести «Моление» Даниила Заточника.

В работе выдвигается версия, что данная модель литературной исповеди берет истоки в неоплатонизме, к которому обращался в предшествующий принятию христианства момент своей жизни еще Августин Блаженный. Суть вероучения – в ценностном постижении человека и мира на основе чистого самопереживания.

В модели «исповедь-самовыражение», в отличие от других, «я-для-себя» (по термину М.М.Бахтина) – ключевая категория. Эта ситуация реализуется в исповеди Петрарки, герой которой, чрезвычайно близкий, если не слитый воедино с автором, в первую очередь, самого себя воспринимает как авторитет. Подобное исповедальное слово значительно отстоит от религиозного источника, но, тем не менее, сохраняет характерное для него свойство – саморефлексию, выраженную в осознании греха и стремлении его искупить.

Исповедь-проповедь. Исходя из наблюдений над текстами, содержащими исповедь, отмечается, что поучение является весьма значимой их составляющей. Назидание – одна из главных целей такого рода публичного покаяния. Исповедь вызывает сочувствие у читателя и воспринимается им как некий урок, призывающий впредь не грешить.

Религиозное назидание как один из способов проповедования веры исходит также из семантического родства слов исповедь и исповеданье, которые в разных языках созвучны и взаимобратимы. Прослеживается это единство и в литературном понимании исповеди. Исповедание – это не только словесное оформление таинства покаяния, но и открытое, публичное заявление человеком о своих интимных нравственных принципах. Яркие примеры исповедно-проповеднической модели – «Поучение» Владимира Мономаха, «Послание» Якова-черноризца к князю Дмитрию Борисовичу. В целом подобная модель наиболее продуктивно реализовывалась в древнерусском жанре поучения.

Даже если в тексте исповеди не содержится открытая проповедь, назидательный элемент все равно остается весьма сильным. В таком случае наставление рассматривается как напрямую адресованное читателю.

Исповедь-автобиография. Единая историческая и художественная основа исходного словосочетания – «Исповедь» Августина Блаженного, где повествование сосредоточено на внутреннем мире автора-героя. Покаяние Августина, с одной стороны, выводимо из его автобиографии, а автобиография, с другой стороны, является основой исповедального слова. Безусловно, подобная корреляция обусловлена тождеством автора и героя автобиографического текста.

Традиция, заданная автором литературной исповеди, была унаследована европейской и значительно позже русской литературой. Автобиографическое повествование закономерно стало рассматриваться как основа любой исповеди, вписывающая покаяние героя в определенный временной и пространственный контекст.

Отличает автобиографический рассказ от обычного перечисления жизненных событий (биографии) собственно саморефлексия. Несмотря на то, что покаяние как таковое в автобиографии отнюдь не обязательно, рассказ о собственных поступках не может быть абсолютно лишен исповедальной

тональности. Примечательно, что в исповеди-автобиографии самым жизнестойким остается именно покаянное начало. Сочувствие и сопереживание позволяют читателю забыть, отставить на второй план события, предшествующие поступку героя. Остается лишь сам грех и момент его искупления: герой как бы преодолевает свое тело, раскрывая душу.

Исповедальное слово может присутствовать в тексте как элемент автобиографии (например, летопись жизни Владимира Мономаха) или как ее основа (например, «Исповедь» Августина Блаженного). Примеры взаимопроникновения двух этих начал – произведения Абельяра и Петрарки. По наблюдениям М.М.Бахтина, исповедь и автобиография квалифицируются как сосуществующие и взаимодополняющие друг друга «типы» самовысказывания. При органичном взаимодействии в пределах художественного текста один из этих «типов», как правило, более акцентирован.

Еще одна модель – **исповедь – эстетическая игра** – зарождается в уже более поздний период, характеризующийся выраженной авторской модальностью. Романтизм смещает акцент литературной исповеди в сторону внутреннего мира незаурядной личности, а в русской психологической прозе второй половины XIX столетия она становится обязательным элементом, необходимым для построения образов.

В художественных текстах представленные модели литературной исповеди могут быть реализованы не в чистом виде, а в различных соотношениях. Зачастую исповедь в художественном тексте представляет собой контаминацию нескольких моделей, но подобное смешение лишь обогащает её.

В третьем параграфе **Монолог, обладающий внутренней диалогизацией, как основной способ функционирования формально-содержательных моделей исповеди в художественном тексте** обосновывается положением, согласно которому исповедальное слово в произведении, как правило, воплощается в монологе, стремящемся к диалогизации. Главным и значащим в нем остается голос исповедующегося.

Литературный исповедальный монолог рассчитан на восприятие одного или нескольких адресатов, в качестве которых может выступать персонаж произведения или читатель, и не всегда требует незамедлительного ответа. Адресность – обязательная обращенность исповедального монолога к другому, объясняется тем, что сам человек зачастую не способен оценить собственные поступки. Признание в грехах перед лицом героя или читателя помогает осознать собственную жизнь, взглянуть на себя со стороны. Наличие адресата необходимо и вследствие того, что исповедующийся ощущает себя нарушителем неких моральных правил, а значит – отторгнутым окружающими. Искреннее покаяние – это возможность вернуться, быть принятым обратно. Отсюда выраженное стремление исповедального монолога к диалогизации. Исповедующийся рассчитывает на ответ, пусть и не вербальный, не здесь и не сейчас, но, может быть, спустя века.

В третьей главе **Реализация моделей литературной исповеди в древнерусских текстах XII-XVII веков** исследуются представленные в теоретической части работы формально-содержательные модели исповеди и их

контаминации в памятниках древнерусской литературы, не типичных в целом для нормативной поэтики.

В первом параграфе главы **Исповедь в Древней Руси: религиозная преемственность от Византии, самобытность древнерусских исповедальных текстов** отмечается, что благоприятной почвой для развития литературной исповеди явилось наследование византийской, греческой, болгарской книжной традиции, а также изобилие специфических обрядовых текстов (вопросники, поновления) и различных переложений богослужебных книг. Не вызывает сомнения их влияние на памятники древнерусской книжности, которые представлены в этой главе.

В оригинальных текстах рассматриваемого периода исповедальное слово – это, как правило, искренний монолог, чаще всего самоуничижительный. Для анализируемых моделей литературной исповеди, случайной или намеренной, характерно стремление не только покаяться, но и указать всем, кто обратится к их тексту, что это единственный путь к спасению.

В ранних памятниках, созданных в XII–XIII вв., обнаруживается наиболее характерная для условий их создания модель исповедь-проповедь. Однако уже в этот период уникальной реализацией формально-содержательной модели исповедь-автобиография становится «Летопись жизни» Владимира Мономаха, в «Молении» Даниила Заточника значительное место отводится исповеди-самовыражению, которая окончательно оформится к XVII веку, что свидетельствует не только о присутствии личностной авторской доминанты, но и о постепенной смене ситуации повествования: от изначальной отстраненности автора, каноничности его текста, до смещения религиозного акцента в сторону саморефлексии.

Во втором параграфе рассматривается **Реализация моделей исповедь-проповедь и исповедь-автобиография в литературном наследии Владимира Мономаха**. В числе сочинений великого князя собственно «Поучение», которое в полной мере обнаруживает модель исповедь-проповедь, автобиография («летопись жизни») и письмо («грамотица»), адресованное Олегу Святославичу Черниговскому.

В «Поучение» амбивалентно включены как религиозный, так и светский компоненты. Ответы на мирские вопросы Мономах находит в Псалтыри, к коей призывает обратиться читателей, но именно в отсылках к Псалтыри заметны настоячивые политические наставления. К примеру: «не завиди творящим беззаконье», «кротции же наслѣдять землю, насладиться на множествоѣ мира», «луче есть праведнику малое, паче богатства грѣшных многа», «старѣйшимъ покаяться, с точными и меншими любовь имѣти» и т.д.

Текст «Поучения» структурно и содержательно восходит к одному из распространенных жанров средневековой литературы – родительскому поучению детям, опирающемуся, в первую очередь, на бесспорность «отчего» авторитета. Мономах – создатель идеологии периода феодальной раздробленности – в своих произведениях, адресованных «младшим» князьям, путем моральной проповеди стремится устранить губительные последствия дробления Руси. Есть в тексте и религиозная проповедь – автор «Поучения» неоднократно призывает к покаянию

как к одному из трех путей, ведущих к спасению – «слезы своя испустите о грѣсѣхъ своих».

В момент наставления автор монолога-проповеди берет на себя роль непогрешимого судьи, противопоставляя свой властный авторитет другим и будто прикрываясь авторитетом Божественным. Стоит заметить, что подобное самовозвышение – явление для литературы XI-XII вв. весьма редкое. Однако указывает оно не на усиление позиции автора, а на авторитет князя, на котором и зиждется произведение. Следуя этикету, Мономах употребляет в своем повествовании и традиционные самоуничижительные формулы: «азъ, худый...», «безлѣпнцю симолвилъ», «худаго моего безумья наказанье». По сходному композиционному принципу строились религиозные покаянные каноны. К примеру, канон Иисусу Христу: «О, горе мнѣ грѣшному! Паче всѣхъ человѣкъ окаянень есмь».

В параграфе указывается и на нетрадиционный для текстов Киевского периода автобиографизм. Рассказывая о собственной жизни, автор предстает перед читателем как идеал княжеского поведения в ситуации политической системы сюзеренитета-вассалитета. Подобные тексты для древнерусской литературы – редкость. Следующей в ряду потенциальных автобиографий станет переписка царя Ивана Грозного с князем А.М.Курбским, вернее, некоторые ее фрагменты. Первым же образцом жанра принято считать «Житие» протопопа Аввакума, созданное в далеком от Киевской Руси XVII веке. Хотя собственно автобиография – термин вряд ли применимый для древнерусской книжности, и выносить это определение в качестве названия произведения, как сейчас это повсеместно принято, думается, не совсем корректно. В диссертации высказывается предположение, что Мономах создавал летопись собственной жизни, опираясь не только на этикетные традиции поучений и житий, но и используя в качестве образца принципы исторического летописания, отсюда и титульное наименование – Летопись жизни.

Далее в параграфе проводится сравнение функционирования исповедально-автобиографической модели в произведениях Мономаха и посланиях Грозного. Если идеолога времен феодальной раздробленности Киевской Руси волновал нравственный аспект государственной деятельности удельных князей, то царь Иван IV в XVI в., в период укрепления централизованного государства, обосновывал иную этическую систему – доминирование самодержавного абсолютизма.

Закономерно возникает вопрос: искренней ли, как у Мономаха, является автобиографическая исповедь Грозного? Сопоставительный анализ идей, которые проповедовали венценосные писатели, позволил прийти к выводу, что, если Мономах доказывал свою идею личным примером: очевидно чувство ответственности главы государства перед подданными, пресечение всяческие отступлений от моральных норм как социального кодекса, так и религиозной идеологии, то Грозный своими автобиографическими откровениями утверждал самодержавное право, которое должно быть принято без всякого доказательства, в том числе и исповедального монолога. Иван Грозный оказался замкнутым в личностных амбициях, пытаясь скрыть мучения совести за маской правильности, целесообразности и оправданности своей авторитарной политики, в отличие от

открытости Мономаха, который в исповедальной форме обнажил свой внутренний нсрв в обреченной ситуации сохранения единой Руси.

В целом, сочинения Мономаха оказались политическим и нравственным завещанием, в котором проповедническая модель гармонично сочетается с исповедальной.

В третьем параграфе главы **Элементы литературной исповеди в памятниках Киевского периода** рассматриваются тексты, которые нельзя назвать покаянными в полной мере. Однако в них уже намечаются пути развития различных моделей исповеди. Произведения написаны в традиционном для Киевского периода нравственно-назидательном ключе, доминантной в такой повествовательной ситуации является проповедническая модель.

«Послание» Климента Смолятича, одного из авторитетных на Руси проповедников, толкователя Священного писания, адресовано пресвитеру Фоме и включено в широкую богословскую дискуссию. Эрудированный Климент отвечает на упрек оппонента в тщеславии. В целом произведение представляет собой пространную проповедь, не лишенную, однако, элементов самовыражения. Очевидно, что церковный авторитет и блестящее образование богослова позволили ему давать аллегорическую трактовку Священного писания, составлять о религиозном тексте собственное суждение, основываясь на жизненном опыте. В сохранившемся небольшом фрагменте усматривается начальный, отправной момент устремления к авторской интроспекции – перспективного развития исповедно-проповеднической модели повествования.

В том же жанре торжественного красноречия выполнена «Притча о человеческой душе...» современника Климента Кирилла Туровского. Большое внимание уделено в притче необходимости покаяния как единственного пути спасения души. В произведении отмечаются неоднократные прямые обращения к слушателям, пастве. В отличие от «Послания» Климента, оно совершенно лишено элементов самоописания и представляет собой проповедь в чистом виде.

«Идейным двойником» «Поучения» Владимира Мономаха можно условно определить «Слово о князьях», проповедующее ту же идею единения Руси в ситуации сюзеренитета-вассалитета, призывающее не обращаться за помощью к «поганымъ». При сопоставлении памятника с текстом Мономаха в последнем выявляется усложнение проповеднической модели, появление в ней исповедальных интерполяций. Традиционное назидание с политическим подтекстом, обозначенное в «Слове о князьях», у Владимира Мономаха обретает новую глубину – служит самораскрытию незаурядной личности автора.

Иная идейно-тематическая основа у «Поучений», которые приписываются игумену новгородского Антониева монастыря Моисею. Это нравственно-назидательное обращение, адресованное простолюдинам, отличительной чертой которого является отсутствие отсылок к Священному писанию.

В «Поучениях» Моисея намечается развитие исповедно-проповеднической модели, которая получит завершение только у протопопа Аввакума. В тексте обличаются нслицеприятные поступки человека, совершаемые ежедневно в быту. «Поучения» завершаются призывами автора к покаянию, как бы подготавливающими появление исповеди в художественном тексте.

Уникальным примером полноценной модели исповедь-проповедь является «Послание» Якова-черноризца к князю Дмитрию Борисовичу. Духовный отец князя Ростовского адресует чаду, очевидно по тексту, уже не первое послание. Яков не только исповедует князя на расстоянии, но и указывает на благость и необходимость его покаяния, подкрепляя мысль цитатами из Библии. Покаяние князя, таким образом, остается за пределами текста, в «Послании» наличествует лишь его завершение – отпущение грехов, которое даст Яков своему подопечному. Есть в тексте упоминание и о том, что князь исповедуется не только перед Господом, но и просит прощения у самого черноризца, очевидно, за прежние обиды. Яков с охотой прощает его, в свою очередь, исповедуется перед князем в ответ, показывая пример праведного поведения.

Четвертый параграф – **Исповедальные интерполяции в древнерусских произведениях о походе князя Игоря.** «Слово о полку Игореве» лишено значимого голоса исповедующегося. Однако рассмотрение этого памятника в сопоставлении с текстом из летописной повести, где исповедь присутствует в чистом виде, обусловлено дискуссионной литературоведческой проблемой – о конфессиональной позиции заглавного героя.

В «Слове о полку Игореве» есть эпизод, когда князь после побега из половецкого плена, возвращаясь в Киев, «Едет по Боричеву къ святѣй Богородици Пирогошей». Иллюстрирует ли фрагмент раскаяние героя в греховном поступке, приведшем к гибели дружины, позорному плену, страданиям Руси? Факт покаяния Игоря в плену, известный по летописному источнику, его исповедь христианскому священнику, приводит к априорному предположению о намерении Игоря дать обет Богородице.

Предполагаемое покаяние князя Игоря в церкви Богородицы Пирогошей соотносится с семантикой слова «каяти», окказионально обуславливающим наименование гидронима Каяла. В широкой литературоведческой дискуссии об этой загадочной реке определились два мнения: или Каяла реально существовавшая (и существующая поныне) река, но имеющая некое другое соответствие на географической карте; или Каяла – мифологема, образ-символ. В диссертационной работе предпринята попытка обосновать семантику и происхождение гидронима в пользу «каяти» – корить, осуждать, а не «каяться» – приносить покаяние, исповедоваться.

В отличие от «Слова о полку Игореве», повести о походе русских князей и поражении дружины в Половецкой степи, включённые в Лаврентьевскую и Ипатьевскую летописи, представляют новгород-северского князя ортодоксальным христианином, кающимся в свершённом им греховном поступке.

Проведенное в параграфе сравнение двух Игорей – из Ипатьевской летописи и «Слова» – свидетельствует о различных подходах их создателей в выражении сути религиозных позиций персонажей. Христианское самовыражение главного героя «Слова» через описание внутренних переживаний, как и вообще проявление каких-либо христианских добродетелей отсутствует в тексте памятника. В сюжете из Ипатьевской летописи более наглядно, чем в «Слове», прослеживается тенденция к синхронизации

естественного поведения князя Игоря в миру и его нравственно-религиозных чувств. Летописный персонаж действительно прошел не только горизонтальный земной путь, но и путь в вертикальном направлении, вознесясь «душой»: свершил покаяние перед Богом и людьми за «грехи свои» и тем самым обрел моральное право на возрождение доброго имени истинного князя-христианина.

В пятом параграфе заключительной главы диссертационной работы рассматривается «Моление» («Слово») Даниила Заточника и реализованная в тексте модель «исповедь-самовыражение».

Определенное структурно-содержательное соответствие позволяет квалифицировать «Моление» Даниила Заточника как своеобразную форму исповеди, поскольку большая часть её признаков и оговоренных условий в обеих редакциях памятника, как в «Слове», так и в «Молении», формально соблюдены.

Оригинальная модель исповедь-самовыражение в «Молении» характеризуется своеобразной подменой смысла, образов. Адресатом выступает не Всевышний, как принято в традиционной исповеди, а князь: обращение Даниила к князю «господине» в тексте фактически равноценно «Господи». В памятнике наличествуют многочисленные прямые сравнения князя с Творцом; дар князя сопоставлен с «плодом райским». Даже цитаты, адресованные Богу, косвенно обращены князю. Заточник уповает на справедливость и непогрешимость Ярослава, возводит его в ранг Божества и, раскрывая перед ним душу, подводит характерный для исповеди безрадостный итог своей жизни.

Любопытна роль, которую отводит себе Даниил Заточник. Он сравнивает себя с Адамом, первым человеком, получившим божественные блага. Следующая подмена обнаруживается в конкретной цели исповедально-просительного монолога: Даниил жаждет не абстрактной Божьей милости, получаемой посредством смирения, ему нужна конкретная княжеская милостыня – средства к существованию. Исходя из подменных ситуаций, структурированных автором, произведение воспринимается как покаянный рассказ в форме монолога Даниила Заточника и вполне может квалифицироваться в качестве модели исповедь-самовыражение.

Подтекст отмечается и в приводимых Даниилом цитатах из Священного писания. Оттенок иронии приобретает под пером Даниила даже парафраз из Псалтыри, когда он «снижает» высокий смысл псалмов. Так, псалмопевец Давид обращается к Богу: «Имже образом желает елень на источнике водный, сице желает душа моя к тебе, Боже» [Пс.41:2-3]. Даниил же обращается к князю: «Токмо азъ единъ жадаю милости твоея аки елень источника водного». Если в первом случае речь идет о стремлении души к Богу, во втором – о желании Даниила получить «милость» от князя. Однако за внешней иронической маской явно просматривается неподдельная вера Даниила Заточника в справедливость и милосердие «господина». Мудрый, интеллектуально одаренный «исповедник» вряд ли стал бы тратить попусту слова на сатирические изыскания, тем более, находясь в столь плачевном положении.

Отмечаются в «Молении» прямые обращения к читателю от лица Даниила как непосредственного участника событий, характерные для модели исповедь-проповедь. Они преследуют традиционную цель – толкование религиозных

истин, прославление Бога. Однако подобные проповеднические вкрапления не мнят основного содержания текста. На первом плане остается желание Даниила Заточника рассказать о себе, собственной жизни, вызвать сочувствие читателя, а вместе с ним и главного адресата текста – князя. Всё это – яркие признаки модели исповедь-самовыражение.

«Моление» Даниила Заточника – самобытный и оригинальный памятник с явным присутствием личностного начала. Если рассматривать «Моление» в вариативной форме «молитвы», но не как канонизированного религиозного текста, а прошения о чем-либо, то в этом случае слово-моление, обращенное к «господину»-князю, сопряжено с рассказом Даниила о собственной жизни, а также формально и структурно соответствует характерной для древнерусской литературы исповеди-проповеди. Однако Господь подменен в ней князем-господином, раб божий – рабом-холопом, а высшая сакральная милость – княжеской профанной милостыней.

В шестом параграфе **«Житие» протопопа Аввакума рассматривается как особая, синтетическая модель литературной исповеди.**

Аввакум использовал практически все формально-содержательные модели литературной исповеди. Возможность безмерно глубокого раскрытия её смысла определяется личностью самого протопопа – священника и исповедующегося.

Первый и основной смысловой пласт текста можно обозначить как модель исповедь-покаяние автора перед читателем. Написанное в долгой Пустозерской ссылке, «Житие» являет собой не что иное, как намерение, покаившись перед Богом и людьми, укрепиться в вере. Доказательством этому служат довольно часто встречающиеся в тексте прямые обращения к читателю. Аввакум просит читателя, как и христианин во время исповеди священника, рассудить, насколько тяжко его грех. Автор ломает христианский канон исповеди перед Богом и призывает научиться исповедоваться перед людьми. К тому же, для горячего проповедника – это способ донести до них слово Господне.

Еще один смысловой пласт текста выявляется в модели исповедь-самовыражение. «Житие» часто рассматривается как первый опыт законченного психологического автопортрета в древнерусской литературе. В монологах раскрывается уникальность личности Аввакума, заключенная в его способности одинаково искренне каяться не только перед Богом, но и перед людьми.

Аввакум выступает одновременно в двух ипостасях – как духовник, принимающий исповедь, и как религиозный проповедник. Сильная проповедническая основа монологов Аввакума объясняется его активной социальной ролью в период раскола. Протопоп готов приписать грехи себе, чтобы тем самым напомнить читателю о его прегрешениях. Он как бы делится собственным духовным опытом, и в то же время проповедует необходимость искреннего покаяния.

Уникальность текста Аввакума и в том, что это первая в современном понимании автобиография в русской литературе. Хотя автор и определяет свой текст как «Житие», он имеет мало общего с традиционным агиографическим повествованием. Задуманное как произведение полемическое и поучительное, «Житие» в процессе авторской работы над его редакциями приобрело совсем

иной характер: в самоописании Аввакума появились реальные бытовые, интимные детали и не всегда лицеприятные сцены.

Своеобразие «Жития» протопопа Аввакума в том, что оно фокусирует в себе все оговоренные выше исповедальные модели. Повествование автобиографично, «живой» образ героя, равного автору, предстает во всей психологической полноте. При этом текст Аввакума остается прокламацией веры – представляет собой развернутую религиозную проповедь.

В **Заключении** диссертационной работы обобщаются результаты проведенного исследования, излагаются основные выводы:

1. Исповедь в качестве самостоятельной жанровой категории в древнерусской литературе еще не сформировалась, поэтому квалифицируется как формально-содержательная модель с характерными для нее жанровыми признаками.

2. Различные модели литературной исповеди появляются в древнерусских текстах, где автор стремится к самовыражению, пытается проявить себя в оригинальном стиле. Уже начиная с XII века прослеживается постепенное усиление авторской доминанты. Переход к личностному повествованию обуславливает и усложнение стиля произведений. «Поучение» Владимира Мономаха еще изобилует клишированными оборотами, заимствованными из богослужебных книг, у Даниила такие «общие» места даются уже в авторском осмыслении, порой даже с нехарактерным ироническим подтекстом. Традиционных «общих» мест становится все меньше.

3. Если в ранний период литературы «в своем погружении вовнутрь авторское «я» скорее могло повстречать Бога, нежели свою собственную сущность» (Михайлов А.В.), то уже в XIV-XVII вв. ориентирование на Божественный авторитет, стремление не выйти за установленные религией рамки постепенно сменяется авторской интроспекцией. Взгляд, обращенный ранее к Богу, в более позднее время обращается внутрь себя. Это наглядно подтверждает использование модели исповедь-самовыражение. При этом усложняется содержание литературных исповедей: от простой кумулятивной схемы (перечисление жизненных событий в хронологической последовательности у Мономаха) оно переходит к циклической и смешанной, в которой логика рассказа подчинена саморефлексии автора.

4. В исповедальных моделях XVI-XVII вв. отмечается детализация событий жизни, включение бытовых и повседневных ситуаций, несвойственное раннему периоду древнерусской литературы.

Основные положения диссертации нашли отражение в следующих публикациях:

Статьи в журналах, включенных в перечень периодических изданий, рекомендованных ВАК РФ:

1. Исповедь как жанрообразующий компонент «Жития» протопопа Аввакума, // Научно-теоретический журнал «Религиоведение», №4. – Благовещенск: Изд. Амурского государственного университета, 2009. Тираж 500 экз. С. 156-160.

2. Можно ли считать исповедью «Моление» Даниила Заточника? «Вестник РУДН», №1. – М.: Изд. Российского университета дружбы народов, 2011. Тираж 500 экз. С. 5-10.

3. Исповедь, проповедь и автобиография - три столпа текста Августина Блаженного. // Научно-теоретический журнал «Религиоведение», №1. -- Благовещенск: Изд. Амурского государственного университета, 2011. Тираж 500 экз. С. 89-94.

Научные статьи:

4. Исповедь как форма самовыражения личности // Материалы III Международной конференции, посвященной 100-летию социальной психологии «Личность в межкультурном пространстве». – Москва, 2008. Тираж 250 экз. С. 156-160.

5. Журнал Печорина как своеобразная форма исповеди «Опыты» (сборник научных статей аспирантов и студентов). – М.: РУДН, 2009. Тираж 100 экз. С. 37-44.

**Степина Алена Николаевна (Россия)
Формально-содержательные модели исповеди
в древнерусской литературе**

В диссертации разрабатывается классификация формально-содержательных моделей литературной исповеди, исследуется ее генезис и поэтика. Объектом изучения являются памятники древнерусского периода, которые содержат исповедальные монологи неординарных личностей, имеющие совершенно разные целевые установки.

**Stepina Alena Nikolaevna (Russia)
Formal-content models of confession in old Russian literature**

In the dissertation is developed a classification of formal-content models of literary confession, investigated its genesis and poetics. The object of the investigation is the artworks of old Russian literature which includes different confessional monologues of extraordinary authors.

Подписано в печать: 13.01.2012

Заказ № 6490 Тираж - 100 экз.

Печать трафаретная.

Типография «11-й ФОРМАТ»

ИНН 7726330900

115230, Москва, Варшавское ш., 36

(499) 788-78-56

www.autorreferat.ru

